

На некорректность термина «секта» в современном русском языке указывают и ученые-филологи. Мы разделяем мнение ученых и считаем, что в официальных документах надлежит использовать терминологию, применяемую в законодательстве о свободе совести, либо нейтральный термин «новые религиозные движения».

(Статтю передруковано із часопису “Релігія і право” (Москва, № 2 за 1999 р.)

**Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский
(Москва, Россия)**

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ: ЛИБЕРАЛИЗМ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЫ

"Вникай в обстоятельства времени", - говорит священномученик Игнатий Богоносец. Этот завет особенно актуален сегодня, в канун начала третьего тысячелетия. Какие проблемы выдвигает перед нами уходящее столетие? В чем состоит вызов нашей эпохи?

Завершающееся ныне столетие выдвигает в число первоочередных проблему, от успешного решения которой во многом будет зависеть дальнейшая судьба мирового сообщества. Фундаментальный вызов эпохи, в которую всем нам выпало жить, состоит, по моему глубокому убеждению, в необходимости выработки человечеством такой цивилизационной модели своего существования в XXI в., которая предполагала бы всемерную гармонизацию драматически разнонаправленных императивов неолиберализма и традиционализма. Перед Западом и Востоком стоит труднейшая, но отнюдь не безнадежная задача совместного отыскания баланса между прогрессом в сфере соблюдения прав личности и меньшинств, с одной стороны, и сохранением национально-культурной и религиозной идентичности отдельных народов - с другой.

Даже не будучи покуда сформулированной в надлежащих социополитических и культурологических категориях, потребность в адекватном и солидарном ответе на этот цивилизационный вызов нашего времени ощущается повсеместно и с чрезвычайной остротой. Ибо неявная для многих, но оттого не менее реальная подоплека военно-политических, культурно-религиозных, национальных и иных противостояний, свидетелями которых мы являемся в посткоммунистическую эпоху, состоит именно в сопротивлении консервативного начала и традиционалистского мировосприятия форсированному, если не сказать насильственному, утверждению неолиберальных ценностей. В этом заключается внутренний сюжет идейной драмы наших дней.

XX век стал исторической ареной, на которой в жестоком противоборстве последовательно сменяли друг друга пары непримиримых соперников: монархия и республика, фашизм и коммунизм, тоталитаризм и демократия. Две мировые войны и одна "холодная война" - таков горестный итог идеологической бескомпромиссности в нашем веке. В этом контексте представляется совершенно естественной и понятной та эйфория, которая охватила мир, измученный балансированием двух сверхдержав на грани ядерного апокалипсиса, при известии о советской перестройке.

Да, господство идеологизированного сознания, являющегося порождением гордыни и суетности человеческого разума, а потому неоднократно обнаруживавшего свою духовную нищету и приносившего неисчислимые бедствия народам, ныне серьезно поколеблено. Но на смену соперничеству идеологий идет новое и трудновращаемое соперничество: глобализм и универсализм как выражение принципа всеобщего против консерватизма и традиционализма, как выражения принципа единичного и отдельного. Поэтому сегодня, как и во времена библейские, краеугольным камнем человеческого общежития остается принцип, столь исчерпывающе сформулированный испанским социальным мыслителем Хосе Ортегой-и-Гассетом: "Цивилизация - это прежде всего воля к сосуществованию". Но воля к сосуществованию предполагает в качестве обязательного условия признание за другим права на жизнь. И поскольку отблеск Божественной истины несет на себе как концепция прав и свобод человека, так и принцип национально-

культурной самобытности, обратимся к истории, дабы проследить генезис их ныне актуализировавшегося противостояния. Но прежде условимся о понятии цивилизационного стандарта, посредством которого будем описывать как либеральный, так и традиционалистский мировоззренческий и аксиологический комплексы.

Известно, что в XVIII веке, на излете эпохи Просвещения, в Европе зародилась, а в следующем столетии значительно усилилась и стала утверждаться либеральная доктрина. Идеей всеобъемлющего освобождения индивидуума от стеснений социальных, политических, национальных, религиозных, правовых и иных ограничений нередко питались революционные движения, выступавшие против тогдашнего государственного устройства в странах Западной Европы, в России. Сторонниками этого направления в качестве фундаментальной проблемы эпохи постулировалась наличная несвобода индивидуума, закабаленного и подавленного структурами и институтами государства, социальным устройством, господствующей моралью, предрассудками и условностями. Следовательно, личность надлежало освободить от гнета внешних для нее сил, ибо человек "по определению" является абсолютной и конечной ценностью, а его благо - критерием справедливости общественного устройства. В канун русской революции эту мифологему либерального сознания в концентрированной форме выразил классик пролетарской литературы Максим Горький, возвестивший устами своего персонажа: "Человек - это звучит гордо!" В СССР эти слова, в частности, были начертаны на знамени антирелигиозной борьбы, ибо в атеистическом государстве ни о каком другом Имени, Которому стоило бы посвящать свои помышления и труды, речи идти не могло. Не случайно еще Гольбах, Гельвеций, Дидро и другие философы эпохи Просвещения настойчиво сопрягали гуманизм с материализмом и атеизмом.

Итак, в ядро антропоцентрической вселенной был помещен богоподобный Человек как мера всех вещей. Причем не просто человек, но именно человек падший, находящийся во грехе. Ведь, по учению Церкви, "человек сотворен по образу и подобию Божию, но грех исказил красоту образа" (св. Василий Великий). Это представление об искаженной природе человека совершенно отсутствует в современном западном мышлении. В нем торжествует комплекс идей, имеющих языческое происхождение, идей, ставших утверждаться в культуре Западной Европы в эпоху Возрождения. Ведь именно авторитетом Ренессанса освящена концепция антропоцентричности мироздания, когда средоточием бытия и социума полагается индивидуум. Таким образом, вместе с возвращением к античной культуре в эпоху Возрождения происходила духовная инволюция европейской общественной мысли, совершавшей движение вспять от ценностей христианства к регрессивной языческой этике и языческому мирозерцанию. Воспользовавшись выражением, которым неоднократно оперирует Арнольд Тойнби на страницах своего фундаментального труда "Постижение истории", мы с полным основанием можем говорить о триумфе "идолопоклонства в наиболее порочной форме поклонения человека самому себе".

Что же касается западного христианства, то оно отнюдь не осуждало этого процесса, но, приняв постулат о свободе человека как высшей ценности его земного бытия в качестве социально-культурной данности, осватило союз неоязыческой доктрины с христианской этикой. Так в ходе формирования либерального стандарта сочетались христианское (через католицизм и протестантизм) и языческое начала. Определенное влияние здесь оказала также достаточно влиятельная в западноевропейских университетах иудейская богословская мысль, пришедшая через испанскую культуру и еврейскую эмиграцию в Голландию и сопредельные страны (Маймонид, Крескас, Ибн Эзра). Неудивительно, что наиболее востребованным либеральным мировоззрением в процессе его формирования оказались идеи таких вольнодумцев, атеистов и пантеистов, отколовшихся от традиционного иудаизма, как Барух Спиноза и отчасти Уриель Акоста. К XIX в. практически сложился весь комплекс понятий, описывающих либеральный стандарт существования. Впервые конституированный в "Декларации прав человека и гражданина" Великой французской революцией, он был окончательно закреплён во "Всеобщей декларации прав человека" 1948 г.

Достоинно всяческого сожаления, что Россия только теперь получает возможность

вступить в дискуссию о соотношении либерального и традиционного начал. Да, некогда СССР принимал достаточно активное участие в выработке современной версии либерального стандарта межгосударственных отношений и прав человека. Он шел на это, руководствуясь прагматическими соображениями, во-первых, чтобы дезавуировать обвинения Запада в приверженности тоталитарным методам контроля и управления, а во-вторых, чтобы при первой возможности обращать это обоюдоострое пропагандистское оружие на своих идеологических противников. Тогда представлялось, что все нарушения прав человека навсегда останутся скрытыми от мира за железным занавесом, и можно было позволить себе выгодный компромисс с Западом, дабы усилить симпатии к социализму без того, чтобы реально изменить нечто в своей внутренней жизни. Ныне, когда после распада СССР из двух сверхдержав на мировой арене осталась лишь одна, она парадоксальным образом наследовала не только бывшую советскую империю, но политику двойного стандарта в отношении прав человека. Иначе как объяснить, что поводом для агрессии против Югославии послужила проблема Косово, тогда как аналогичная проблема Курдистана вовсе не рассматривается в качестве основания для акции устрашения в отношении Турции?

Итак, к сожалению, по идеологическим и политическим причинам православная духовно-культурная традиция никак не была представлена советской дипломатией при выработке современных стандартов межгосударственных отношений и прав человека. Насколько могу судить, не была она достаточно обозначена и дипломатами других стран, представлявшими Восток. Иными словами, можно совершенно определенно утверждать: современные международные стандарты по сути своей являются исключительно стандартами западными и либеральными. Это обстоятельство могло бы не вызывать особой озабоченности, если бы речь шла о сфере исключительно внешнеполитической, то есть о межгосударственных отношениях, где этот стандарт зарекомендовал себя как достаточно эффективный. И в самом деле, что произошло бы в области межгосударственных отношений в условиях отказа от универсального по своей природе либерального стандарта? Совершенно очевидно, что на месте этого универсального стандарта был бы стандарт национальный, в минувшие времена неоднократно провоцировавший и легитимизировавший войны. В случае, если бы подобное замещение действительно произошло, совершился бы неконтролируемый распад всей мировой системы, ибо каждый из таких стандартов, будь то "ваххабистский", "китайский", "африканский", "католический", "японский", "индуистский" и т. п., положенный в основу построения межгосударственных отношений, неминуемо был бы отвергнут носителями иных национально-культурных и религиозных взглядов. Попытка строить межгосударственные отношения, игнорируя некие общие для всех принципы, была бы очень близка ко всеобщей катастрофе, в которой не остается места радости в случае победы одного из этих стандартов, пусть даже того, к которому принадлежишь ты сам.

Суть проблемы видится не в том, что сформулированный на уровне международных организаций либеральный стандарт лежит сегодня в основе международной политики, а в том, что этот стандарт предлагается в качестве обязательного для организации внутренней жизни стран и народов, включая те государства, культурная, духовная и религиозная традиция которых практически в формировании этого стандарта не представлена.

Следует особо сказать о моральных ценностях объединяющейся Европы. Совершенно очевидно, что эти ценности также стандартизированы на основе западного либерализма. Пока границы объединенной Европы совпадали с границами Западной Европы, указанную проблему можно было рассматривать как "внутреннее" дело Запада, как его собственный цивилизационный выбор, ответственность за который в религиозном и пастырском плане несли западные Церкви. Сегодня границы объединенной Европы расширяются на Восток, и весьма вероятно, что в обозримом будущем в ее состав войдут страны с многомиллионным православным населением. Что будет означать для этих стран в плане сохранения их духовной, культурной и религиозной идентичности жизнь в соответствии с чуждыми для них этическими и ценностными стандартами? Если Европа, а может быть, и весь мир будут унифицированы на основе единой культурно-цивилизационной нормы, то, быть может, ими станет легче управлять, но красоты

множественности, а вместе с тем и человеческого счастья в них наверняка не прибавится. Кроме того, сегодня совершенно очевидной становится невозможность бесконфликтной экспансии либерализма, особенно в тех сферах общественного бытия, которые наиболее цепко удерживают ценности, воспитанные национальной духовно-культурной традицией. На Востоке это явление достаточно очевидно, на Западе менее очевидно, хотя реально оно присутствует и там, и там.

Наиболее ярким примером является история с принятием нового российского Закона "О свободе совести и о религиозных объединениях". На Россию было оказано тогда беспрецедентное политическое давление. Президент Клинтон и канцлер Коль обращаются к президенту Ельцину с посланиями протеста, Папа Римский требует от Кремля заблокировать новый закон о свободе совести, американские конгрессмены в случае его одобрения угрожают России экономическими санкциями. Что же случилось, почему ни одна другая внутрироссийская проблема не вызывала такой негативной, острой и согласованной реакции Запада? Причина проста - наш закон о свободе совести был расценен как не соответствующий либеральному стандарту в сфере религиозных прав человека. Скромно уступили от участия в этом походе против внутреннего законодательства суверенной державы лишь те страны Запада, в которых Церковь, в отличие от России, имеет государственный статус или где формальная регистрация экзотических и чуждых местной культурной традиции сект ставится в зависимость от куда большего количества условий, чем у нас. В сущности от России тогда в ультимативной форме требовали приведения национального законодательства о свободе совести в соответствие с международными, а фактически западными либеральными стандартами.

Подобные коллизии, выявляющие несовершенство либерального стандарта и обнажающие возможность манипулирования им с политическими целями, чрезвычайно показательны, и в дальнейшем их будет случаться все больше, если уже сегодня не начать серьезной дискуссии о соотношении либерализма и традиционализма в формировании жизнеспособных стандартов, призванных ответить на вызовы не только европейской, но и мировой интеграции. Из сказанного следует, что на роль общепризнанного и подлинно универсального стандарта может претендовать отнюдь не самый либеральный из всех возможных в отношении прав и свобод человека, но лишь такой, который, при условии постулирования перечня неких общеобязательных принципов, органично и непротиворечиво предполагал бы совместимость с национально-культурными и религиозными ценностными ориентациями принявших его стран. Нравственный долг как посткоммунистической России, так и других стран, принадлежащих к духовно-культурной традиции православия, ныне должен заключаться в том, чтобы представить мировому сообществу свое видение проблемы и призвать его к возобновлению дискуссии в изменившихся исторических обстоятельствах. Предстоит большая и трудная работа по формулированию и отстаиванию своей позиции перед лицом мировой общественности в ООН, других международных организациях. Здесь неопределимую роль могут сыграть усилия Православных Церквей прежде всего в рамках диалога с иными Церквями, деноминациями и религиями.

Несколько слов - об экуменизме. Глубоко убежден, что причина кризиса современного экуменизма во многом связана с его неспособностью осознать фундаментальное значение Апостольского предания (традиции) как нормы веры. Эта норма, золотой нитью проходящая через вселенскую историю и соединяющая апостольский век с нашим временем, исчерпывающе определяет пути жизни и спасения христианина. Сбережение и утверждение неповрежденной нормы веры есть миссия православия в мире, ибо отказ от Предания на деле означает автоматическое признание утверждения о том, что человеку все дозволено. В сущности, согласие некоторых христианских деноминаций с допустимостью женского священства или благословение гомосексуальных браков есть не что иное, как практическое осуществление либерального стандарта прав человека и безграничной религиозной свободы. Это один из многих случаев последовательного и целенаправленного вытеснения из жизни современного общества апостольской нормы веры и замещения ее либеральным стандартом.

Трагедия современного протестантизма заключается в приятии этой подмены и

соучастии в ней, что оборачивается перспективой утратить профессиональное самосознание вплоть до полного растворения его в системе ценностей секулярного мира. Именно в экуменическом движении и в первую очередь во Всемирном Совете Церквей эта тенденция стала очевидной для православных. Протестуя против женского священства и признания гомосексуальных браков, православные протестуют против самой идеи некоего приоритета либерального стандарта (как известно, имеющего не только христианские корни) над нормой церковного Предания. В кризисе экуменизма отчетливо обнаружилось стремление протестантского большинства использовать либеральную идею в качестве фундаментальной идеи, во многом определяющей экуменическую этику и практику, при одновременной нечувствительности к теме Предания. Это привело к тому, что, несмотря на некоторые успехи в области достижения вероучительных консенсусов, православные и протестанты оказались перед лицом новых разделений, имеющих своей причиной некую "абсолютизацию" либеральных стандартов протестантским богословием.

Однако эти серьезные различия и противоречия не следует воспринимать как основание для прекращения диалога, а тем более как основание для религиозного противостояния с Западом. Напротив, Русская Православная Церковь, гласно и в духе братской открытости поставившая вопрос о кризисе современного экуменизма, видит в продолжении межхристианского диалога возможность свидетельствовать разделенному христианству основополагающее значение нормы веры, явленной в Апостольском предании. Весьма плодотворным может быть в этом отношении диалог с Римско-Католической Церковью, признающей Предание как норму веры.

Монотеистические религии, преданные идее верности своей религиозной идентичности и жестко защищающие права своих верующих, о чем красноречиво свидетельствуют соответствующие статьи законодательства Израиля и мусульманских стран, также могут быть союзниками православных в диалоге с теми, кто подвергает сомнению ценность традиции. Сами же многообразные национально-религиозные стандарты по своей природе, говоря словами Карла Поппера, вовсе не "враги открытого общества", каковыми их пытаются порой представить, но, напротив, способны стать действенным фактором его стабильности и жизнеспособности.

Пока что нас постоянно ставят перед дилеммой: либо православие "изменится", либо будет отвергнуто "мировым сообществом", под псевдонимом которого чаще всего выступает одна из множества ныне существующих культур - западная, а точнее, либеральная. Она настойчиво утверждает в качестве наиболее "прогрессивной", "гуманистичной", "современной". В то же время православие, а нередко и другие монотеистические религии противопоставляются либеральной антропоцентрической системе ценностей, объявляемой нормой для индивидуумов и человеческих сообществ. Церквам и религиозным общинам надлежит адекватно реагировать как на позитивные, так и на явно негативные аспекты ныне совершающегося процесса глобализации. Мы желаем понять других, но и сами хотим быть услышаны и поняты.

Происходя из теоцентрической духовной традиции, воспринимающей антропоцентрический гуманизм как чуждое для себя мировидение, мы готовы относиться к нему с уважением, но никогда не сможем принять в качестве абсолютной и безусловной положительной ценности. Мы также исходим из того, что стандарты, вольно или невольно способствующие разрушению национально-культурной и религиозной идентичности народов, неизбежно приведут к оскудению полноты мира Божия, его унификации и в конечном итоге гибели.

Европа с ее традициями культурной многоукладности, терпимости и открытости могла бы внести решающий вклад в процесс глобальной гармонизации религиозных, культурных, социополитических традиций. Важное место здесь должно принадлежать христианам. Верю, что все мы соединенными усилиями сумеем заложить основы подлинно многополярного сообщества, зиждущегося на стандартах, которые, обеспечивая права и свободу людей, сохраняли бы, а не разрушали ценности, укорененные в их духовно-культурных и религиозных традициях. Ибо только такое устройство мира способно стать реальной альтернативой подозрительности, вражде и праву силы в отношениях между народами.